

Т.С. Соколова, Г.Н. Старикова

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ТЕРМИН *ГНЕЗДО* И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ В РУСИСТИКЕ

Рассматривается возникновение специального значения у существительного *гнездо* и появление на основе его метафорического значения составных терминов типа словообразовательное, лексическое, этимологическое, номинативно-деривационное гнездо и другие, представляющих группировки разноструктурных дериватов (с общим или частично совпадающим составом единиц) вокруг исходной вершины (генератива), различающихся прежде всего аспектами описания.

Ключевые слова: лингвистическая терминология; термин-метафора; ономастическая деривация; разноструктурные единицы номинации; номинативное гнездо.

Введение в проблему. Обращения к метаязыку лингвистики выявляют высокую степень метафоризации в процессах терминообразования в этой отрасли знаний, свойственную также лингвистическим текстам в целом (*исследовательское поле, склонять слово, выступать в прямом значении*) [1–3]. Как пишет Е.А. Селиванова, «метафора служит источником расширения знаковых ресурсов терминосистемы, а также орудием научного поиска и познания в данной специальной сфере, средством уточнения и дифференциации понятийного аппарата языкознания» [2. С. 80]. Метафорические термины, отражая взаимодействие наивной и научной картин мира, «позволяют без дефиниции указать на какое-то свойство вновь открытого» [4. С. 74], что нередко осуществляется с помощью определений, далеко не всегда переносного типа: *словообразовательная цепочка, семантическое поле, основа слова* и др. Сказанное выше свидетельствует об актуальности обращения исследовательского интереса к *гнезду* как к одному из подобных терминов¹, породивших большое количество составных специальных номинаций в ряде научных направлений лингвистики.

Гнездами в современном языкознании называют разного рода совокупности номинативных единиц на основе семантической или формально-семантической общности – тематические, лексико-семантические группы, парадигматические ряды, но чаще – объединения однокоренных слов. Подобное рассмотрение обосновано осознанием русистикой системности и социальности как основополагающих свойств языка (прежде всего лексики), с первых шагов своего становления обратившей внимание исследователей не к отдельным словам, а к их объединениям. Именно таким образом А.А. Потенба представляет в этимологических заметках историю ряда групп слов, в том числе наименований поселений и угодий, что позволило ему через рассмотрение однокоренных образований (*селина, оселя, проселок, селище* и др.) и слов одного тематического ряда (*деревня, починок, ополье, околоток* и др.) выявить в них общие закономерности эволюционного развития семантики [6. С. 1–48]. С этим согласуется высказывание М.М. Покровского, определившего во многом в своих работах программу будущих семасиологических исследований: «История значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимичными с ним, а главное,

принадлежащими к одному и тому же кругу представлений» [7. С. 75].

Такое обозначение групп, образуемых генетически близкими единицами, вытекает из переносного значения существительного *гнездо* – ‘некое объединение по общности происхождения, деятельности, значимости, среде обитания, расположению и т.п. кого-, чего-л.’: *лексическое, словообразовательное; дворянское, культурное, литературное гнездо, гнездо поэтов, птенцы гнезда Петрова; картофельное гнездо* и др. Отмеченное значение развилось из ‘род, потомство’ (с древнерусской эпохи), позже – ‘семья’ (конец XVII в.), тогда же – ‘группа растений, развившихся из одного корня’ [8. С. 43]. Это подтверждает мнение ученых о том, что в терминосистемах русского языка весьма активно представлены образы семьи, рода [2. С. 79]: *дочерняя фирма, материнские разговоры, общий род, женская рифма* и др. Как образно отмечал А.Н. Тихонов, «русское слово живет в родственном окружении, семейно, и познать его до конца невозможно без глубокого изучения родственных связей и отношений» [9. С. 75].

Указанные близкие метафоры (*гнездо, семья, корень*) нашли отражение и в лингвистической терминологии: «ГНЕЗДО – англ. family of words, фр. famille de mots. Группа слов, происходящих от одного корня или объединяемых современными морфологическими или семантическими связями» [10. С. 105]. Данное определение свидетельствует о неполной специализации термина, выражающейся в его широкой семантике, необходимости уточнения последней через определения, как следствие – о возможности обозначения этим словом разнородных языковых явлений. Так, О.С. Ахманова выделяет гнезда *лексические* (*дружить с товарищем, дружный с товарищем, дружба с товарищем*), *синонимические* (*идти, брести, плестись, тащиться*), *словарные* («группа морфологически объединяющихся слов, представляемых в виде одной словарной статьи»), где отсутствие толкований или приведенные иллюстрации не позволяют четко дифференцировать названные типы, а также *словообразовательные* и *этимологические* – не только без определения, но и без примеров [Там же]. В более позднем словаре Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой как термин дается сочетание *гнездо слов* с более узким значением – ‘группа однокоренных слов’ [11. С. 52]. Эта семантика отмечена у слова *гнездо* в Spra-

вочнике Ж.Ж. Варбот и В.Ф. Журавлева [12], как специальное (в лингвистике) – в «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой [13. С. 317].

Исследование. Материалом для настоящего исследования послужили лингвистические работы преимущественно XXI столетия, в которых были использованы составные термины на основе переносного значения указанного существительного, всего около 150. Его подбор осуществлялся на основе поисковых запросов «гнездо в лингвистике», «лингвистическое / языковое / словарное гнездо», «гнездо слов» и подобных. Предпочтение в отборе отдавалось научным работам квалификационного типа (диссертациям, авторефератам), а также исследованиям, содержащим развернутые дефиниции предлагаемых терминов, относящихся прежде всего к проблемам номинации – сфере научных интересов авторов, что отражено в списке использованной литературы.

Анализ показал активное вовлечение слова *гнездо* в терминосферу русистики, причем исключительно в составе терминов с адъективными определителями: *гнездо генетическое, корневое, лексическое, образное, словообразовательное, этимологическое, языковое* и др., а на их основе – *историческое корневое, лексико-словообразовательное, корневое словообразовательное гнездо* и др. Все они представляют группировки дериватов (с общим или частично совпадающим составом единиц) вокруг исходного корня (непроизводного слова, генератива), различающиеся, как правило, аспектами (задачами) их описания. Сложившаяся в лингвистике многоименность, при которой термины в силу неоднозначного понимания могут образовывать оппозиции семантического тождества, пересечения (эквивалентности) или включения, требует определить семантический объем каждого из них и установить по возможности иерархические отношения в этом терминологическом сегменте. Данная задача обоснована прежде всего практическими нуждами в ясном представлении границ предмета исследования, что осознается как важнейшее требование культуры научных описаний во многих работах, напр.: «Очевидна необходимость разграничения понятий *словообразовательное гнездо* и *гнездо однокоренных слов*, или *корневое гнездо*» [14. С. 95]².

Из указанных выше активнее всего в языкознании употребляется термин *словообразовательное гнездо* (СГ), которое определяется как «упорядоченная отношениями производности совокупность однокоренных слов» [15. С. 270]. Создавая с единомышленниками Словообразовательный словарь русского языка, А.Н. Тихонов, чьим трудам русистика во многом обязана разработкой теории СГ, осознал необходимость выделения еще одной комплексной единицы деривации – *корневого гнезда* слов (КГ), которое образуют однокоренные производные двух или более СГ (подгнезд КГ), возглавляемые единицами со связанными корнями типа *заслонить – прислонить, закупорить – откупорить – раскупорить, говядина – говяжий, география – геодезист* и др. Он писал: «Эти слова состоят из одинакового числа морфем, но они не могут служить друг для друга производящей базой, служа вершиной разных СГ, но их наличие позволяет выде-

лять в них корни, приставки, суффиксы» [15. С. 271]. Таким образом, СГ и КГ, помимо объема своих составов, различаются типом вершин (непроизводное слово со свободным корнем – в первом случае, членимое со связанным корнем – во втором), основанием выделения (СГ выделяются на уровне словопроизводства, КГ – на морфемном). По мнению ученого, КГ образуются утратой исходного слова, в результате чего производные первого шага деривации становятся вершинами для своих подгнезд, или заимствованием (*брахикардия, брахицефал* и др.) [Там же. С. 274].

Вполне логично, что первый путь образования КГ привлек к ним внимание историков языка [16, 17], что столь же ожидаемо привело к расширению семантики данного термина³: «Корневым гнездом называется совокупность всех слов языка, имеющих общий корень. КГ может быть выделено на различных этапах существования языка (синхроническое) или может объединить в себе все исторически родственные слова (диахроническое, историческое)» [20. С. 32]. Диахронисты стали называть им не только гнезда с исходными словами вида *впрячь – запрячь – распрячь, присутствовать – отсутствовать; вынудить – принудить* и подобными, осознаваемыми на современном этапе однокорневыми единицами и потому снабженные в словообразовательных словарях с участием А.Н. Тихонова отсылочной пометой *ср.* к родственным вершинам (*запереть ср. отпереть*), что и служит показателем их отнесения к общему КГ, но и включать в их число дериваты гнезд типа *занять, понять, приятель* [21. С. 43], а также *грусть – груда, лопасть – лопага, горе – гореть* и др. [16. С. 297], родство которых уже требует специальных обоснований.

Как следствие диффузности значения термина последний вновь начинает обрастать атрибутами. Так вводится понятие *корневого словообразовательного гнезда* (КСГ) – «особой комплексной динамической единицы словообразования, объединяющей лексемы с общим историческим корнем, который носителями живого языка зачастую не воспринимается в качестве самостоятельной корневой морфемы вследствие утраты между этимологически родственными словами живых семантических и словообразовательных связей [17. С. 61]. Это определение соответствует трактовке термина *историческое корневое гнездо* (ИКГ) или просто *историческое гнездо* (ИГ) в трудах Л.Г. Яцкевич и ее учеников: «комплексная динамическая система слов, имеющих общий этимологический (исторический) корень» [22. С. 146], развитие которой идет одновременно по осям синхронии и диахронии и допускает утрату родственных связей между единицами некогда единого КГ. Последние термины близки понятию *этимологическое гнездо* (ЭГ), определяемого Ж.Ж. Варбот как «совокупность всех слов, происходящих от одного и того же слова (или корня), в их зависимости друг от друга и в хронологической последовательности через цепь словообразовательных отношений, из которых, однако, некоторые не осознаются говорящими вследствие фонетических изменений слов, преобразования их структур или расхождения их значений: *брать – собирать – сбор – собор – забор – беременная*» [23. С. 89]. При этом в ана-

лизе конкретного материала объем состава одного и того же ЭГ может существенно различаться, поскольку допускает включение лексических ресурсов всех славянских языков или же только одного языка – напр., русского. В последнем случае возможно также его ограничение единицами, потерявшими в ходе исторического развития семантическую связь с вершиной гнезда: «Далее в работе термин “этимологическое гнездо” будет использоваться преимущественно в узком значении, а именно как обозначение той части этимологического гнезда (в широком смысле термина), где утрачены мотивационные отношения с исходным корнем» [24. С. 10].

Выделение отмеченных типов указывает на значимость для единиц данного терминологического сектора не только оснований для объединения в гнездах номинативного материала, но и аспекта их изучения. Например, факт мотивационных связей между единицами групп, учитываемый всеми исследователями, получает специфическое освещение в разноаспектных работах – как при синхронном, так и диахронном подходе. Так, для лексиколога принципиально важным является определение обстоятельств появления слов, их семантики и места в лексической системе на основе установления парадигматических, синтагматических, иерархических и иного типа отношений с другими номинативными единицами языка, для дериватолога – это способы, модели образования слов и их продуктивность, задачи построения СГ на основе принципа формально-семантической выводимости производного из производящего и др., для этимолога – реконструкция праформы слова и его исходной семантики на базе сопоставления с единицами родственных языков и т.п. В частности, В.В. Виноградов, обосновывая необходимость разработки проблем исторической лексикологии, подчеркивал: «Историко-лексико-логическое изучение слова нельзя отождествлять и сливать с историко-этимологическим. Последовательность и ход изменений значения слова, разъяснение тех реальных исторических условий, в которых протекали эти изменения, остаются по большей части за пределами этимологического исследования» [25. С. 39]. Различать задачи исследования ЛГ и СГ в силу разнородности оснований для объединения в их состав производных единиц призывали А.Н. Тихонов [26. С. 148–161], И.В. Евсеева [27. С. 145–147] и др.

В то же время в литературе неоднократно высказывалась мысль о продуктивности совмещения различных подходов к описанию генетически однородного языкового материала [27. С. 147; 28. С. 17], следствием чего стало выделение гнезд лексико-словообразовательных (ЛСГ) (иначе: толково-словообразовательных – ТСГ) [27, 29, 30 и др.] и этимолого-словообразовательных (ЭСГ) [31]. Так, М.С. Ачаева определяет ЛСГ как «структурно-семантическое целое», элементарной единицей которого выступает лексический дериват, а совокупность последних «рассматривается как факт не только словообразовательной, но и лексико-семантической системы языка» [30. С. 25].

Если в основу изучения ЛСГ положены семантический и деривационный подходы, то ЭСГ – генети-

ческий и деривационный, первое изучается преимущественно в аспекте синхронии, второе – только в диахронии. По мнению Е.Ю. Красоткиной, ЭСГ есть ЛСГ определенного этапа развития, представленное в исторической динамике [29. С. 3]. При этом важно помнить, что подобные гнезда позволяют углубить выводы комплексного анализа: «Ценность реконструкции гнезд нового типа заключается в том, что такие гнезда способны отражать не только связи однокоренных слов в одном языке, но и межязыковые связи» [31. С. 138]. В лексикографии идея совмещения указанных аспектов описания реализовалась в толково-словообразовательных словарях [13] и отчасти в этимологических типа «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд», издаваемом Отделом этимологии и ономастики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН с 1974 г.

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики, обратившая внимание исследователей к языку как средству отражения восприятия и осмысления человеком окружающего мира и своего места в нем, в определенной степени «сгладила» принципиальность последней классификации, сделав главным объектом изучения номинативную организацию лексических подсистем, образуемых составом любого из названных гнезд, а предметом – когнитивную интерпретацию их семантических структур. Так, Е.С. Кубрякова справедливо считала акт номинации «ословливанием и означиванием мира <...> новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах познания и оценки мира» [32. С. 407]. Это высказывание прозвучало в адрес словных дериватов (мотивологический аспект не может не апеллировать к языковому сознанию, а генетическое родство слов отражает связность мира), но оно справедливо и в отношении номинативных единиц более сложной структуры, прежде всего – фразеологизмов, которые также могут быть представлены в лингвистике гнездами – фразеологическими (ФГ).

Одно из первых определений ему было дано В.Л. Архангельским: «Фразеологическое гнездо объединяет фразеологические единицы (ФЕ), имеющие в своем составе одно и то же слово в качестве стержневого компонента и реализующие различные виды лексических значений этого слова» [33. С. 64]. Необходимость группировки фраземики вокруг *опорной лексемы (гнездового слова, фразеолекса, фразеоконнента* и др.) родилась из практических нужд лексикографии, требующих ее систематизации при подаче в толковых (общих и собственно фразеологических) словарях, а также из общих задач исследования лингвокультурологического пространства языка. В факте выделения и в дальнейшей разработке теории ФГ легко можно усмотреть аналогю с гнездами слов.

В настоящее время и этот термин характеризуется неоднозначностью, что обусловлено, с одной стороны, различным пониманием сути фразеологии и ее границ, с другой – разнородными основаниями для включения ФЕ в ФГ. С первым связана попытка развести понятия фразеологических и фразеобразовательных гнезд,

допускающих включение в свой состав, помимо собственно ФЕ, разного рода составных наименований, лишенных образности, типа *левая рука* [34]. В соответствии со вторым подходом, в гнездо могут быть объединены фразеологизмы на основе общего слова (*на босу ногу, со всех ног, ни в зуб ногой* и др.) [35] или же общности корневой морфемы в отдельных компонентах фразем (*втереть очки, натереть бока, протереть глаза, вытирать ноги (об кого), тертый калач*) [24. С. 231–241]. Еще более широкое понимание этого термина представлено в диссертации Н.А. Власовой «Фразеологическое гнездо с вершиной ГЛАЗ в общенародном языке и говорах», включившей в его состав не только выражения с указанным словом и его дериватами (*глазки, глазички, глазищи*), но и с их синонимами (*буркалы, гляделки, зенки, талы* и многие др.) [36]. Не требует доказательств утверждение, что данный тип гнезда допускает те же аспекты изучения, что и словные объединения.

Осознание общих функций у слов и ФЕ, возможности однотипных подходов к их описанию вполне логичным образом привели к формированию новой комплексной языковой единицы – *лексико-фразеологического гнезда* (ЛФГ), узко понимаемому как совокупность гнездовой лексемы (или ее отдельного ЛСВ, если слово многозначно) и набора ФЕ, непосредственно мотивированных этой исходной единицей⁴, широко – как совокупность всех лексических и фразеологических дериватов, восходящих к общей для них вершине [38]. Синонимами широкому пониманию ЛФГ служат термины *лексико-фразеологический комплекс* (ЛФК), породивший новый жанр лексикографического труда – *словарь одного слова* [39], *деривационно-фразеологическое гнездо* (ДФГ) [40. С. 82–83], максимально широко – *деривационное гнездо* (ДГ), включающее составные наименования нефразеологического типа (*житель деревни; тот, кто пришел последним*) [41].

Последние термины обоснованы представлением номинативной деривации (деривационной ономастологии, номинатики, ономатики)⁵ как процесса порождения разноструктурных номинативных единиц следующими способами:

1) морфологическим – на базе имеющихся в языке лексических единиц и аффиксальных средств (лексической деривацией, собственно деривацией);

2) лексико-семантическим – путем семантической и лексико-семантической трансформации имеющихся в языке слов и фразеологических сочетаний (семантической деривацией – развитием полисемии);

3) синтаксическим – на основе свободного словосочетания (лексико-синтаксической деривацией) [43. С. 89].

При этом словообразование составляет ядерный, но не единственный тип деривации, а фразеодеривация понимается разными исследователями различно: как реализация фразеобразующего потенциала вершинного слова (*уже – его отдельного ЛСВ: со всех ног, идти в ногу со временем – нога*) [35] или всех дериватов ЛФГ (*рука: легкая рука, схватить за рукав, солнце в рукавицах*), что соответствует понятию ЛФК [39]. Принципиально иное понимание фразеологиче-

ской деривации представляется как образование ФЕ на базе других ФЕ, что может пониматься широко – как любые формальные трансформации последних (*валить в кучу – свалить в кучу, заблудшая овца – заблудшая овечка, выбить из колеи – выбиться из колеи, держать нос по ветру – нос по ветру, грош цена – грош цена в базарный день*) [44. С. 54] или узко (*переменишь декорации – перемена декораций, волей или неволей – вольный или невольный, бить баклуши – бить баклуши*), где, подобно аффиксальному транспозиционному словообразованию, происходит смена категориального значения при сохранении логико-понятийной семантики фразеологизма [45. С. 243]. Если базовый фразеологизм допускает неединственный вариант своего формального преобразования (*день и ночь – дневать и ночевать, денный и ночный, денно и ночью*), совокупность последних образует гнездо, тоже названное *деривационным* (ДГ) [Там же. С. 244].

Результаты исследования. 1. Рассмотренный материал продемонстрировал активное вовлечение существительного *гнездо* в терминосферу ряда направлений русистики, подтвердив тот факт, что метафоризация относится к числу значимых способов лингвистического терминообразования. При этом широкая семантика, ее слабая специализация дают основания для отнесения *гнезда* к лингвистическим квазитерминам, семантика которых в обязательном порядке должна уточняться с помощью атрибутивной лексики. Функция последней – обозначить основания для объединения единиц в гнездо и по возможности охарактеризовать подход к изучению последних, ср. ЛГ и СГ или ФГ; СГ и ЭГ; СГ и ДГ.

2. Являясь согипонимами по отношению к гиперониму *гнездо*, составные термины противопоставляются друг другу разными своими сторонами. Так, ЛГ и СГ, совпадая в материале, различаются лишь аспектами его представления, противоположная картина наблюдается в случае с КГ и СГ: объем единиц разный, аспект же может быть общим, а СГ и ЭГ различаются и тем и другим. Многозначность части созданных терминов этого (детерминирующего) типа (КГ, ДГ, ФГ) еще более усложняет их корректное использование в учебном и научном общении. Это порождает «вторичные» специальные наименования вида ЛФГ, ЛСГ (ТСГ) и ЭСГ, отражающие расширение объекта исследования и комплексный характер его описания. Сужение объема значения подобных терминов конкретными исследовательскими задачами неизбежно ведет к развитию у них полисемии, что нарушает требование однозначности, предъявляемое к специальной лексике. Однако нельзя не признать, что поиски комплексных единиц анализа, разработка новых подходов к их описанию развивает лингвистическую науку в целом и такое ее отдельное направление, как лексикография.

3. Идеальным выглядит составной термин, выражающий как тип объединяемого материала, так и общие задачи его описания. Это позволяет отнести к наиболее удачным продолжающие оставаться однозначными термины *словообразовательное* и *этимологическое гнездо*, указывающие на основания объеди-

нения лексических единиц, одновременно – на базовые, а в течение долгого времени – практически единственные (формально-структурный / генетический) аспекты исследования⁶. Таковым же представляется вводимый в последнее время термин *номинативное гнездо* (НГ), которым возможно заменить термин *деривационное гнездо* (ДГ) в его самом широком значении, поскольку *номинация* совмещает в себе значения процессуальное (называние) и результативное (единицы наименования), т.е. может обозначать как круг вовлекаемого в исследование материала, так и подход к его изучению. Возможно, более точным будет терминологическое сочетание *номинативно-деривационное гнездо*: совокупность разноструктурных производных номинем, восходящих к общей вершине, допускающих различные формально-семантические аспекты их описания, связанные с названием (формальные типы единиц, отражение в их содержании номинативно-познавательной деятельности носителей языка и др.).

4. Поиски «объяснительной силы» составными терминами на основе имени с диффузным значением

вызываются научными интересами лингвистов и конкретными задачами их исследования, результатом чего становится появление вида *гнездо текстов, образное, семантическое, семантико-деривационное* (СДГ), *историко-деривационное гнездо* (ИДГ) и др., которые не рассматривались в настоящей статье, но работы с их использованием легко обнаруживаются в интернет-пространстве. Существование новых терминов может быть оправдано лишь их особым содержанием либо необходимостью замены ими ставших многозначными прежних наименований. Выражением терминологического кризиса могут служить работы, в которых отказываются от подобного типа терминов, используя в названиях определения описательного типа вроде «слова с корнем рух- в истории русского языка», «гнезда однокоренных слов группы 'времена года'» и подобные.

В целом же, расширение специальных знаковых ресурсов, в том числе за счет метафор и составных наименований, развивает терминосистему языкознания, служа динамичным показателем поиска научной мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹См.: «Чтобы вникнуть в природу русского языка, выявить особенности его формально-структурного устройства, необходимо глубоко и всесторонне исследовать жизнь гнезда» [5. С. 111].

² Доказательством также может служить запятая в приведенной выше цитате из работы О.В. Ивасюк перед союзом в значении отождествления: «гнездо однокоренных слов», или «корневое гнездо» [14].

³ О принципиальной значимости этого шага говорят названия, напр., работ [18, 19].

⁴Т.е. *фразеологической парадигмы* [37. С. 88], по сути – это и есть ФГ в узком понимании.

⁵См., напр., работы [42; 43. С. 236].

⁶Все более частые замены их в современных работах на термины *деривационное гнездо* [46], *генетическое* или *историческое гнездо* [47] нельзя признать удачными в силу широко понимаемой семантики производящих основ для последних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки (на материале лингвистики). М. : Наука, 1987. 144 с.
2. Селиванова Е.А. Метафорическая основа русской лингвистической терминологии: когнитивный аспект // Язык. Текст. Дискурс. 2013. № 11. С. 71–82.
3. Резанова З.И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 18–29.
4. Слюсарева Н.А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка // Вопросы языкознания. 1979. № 4. С. 69–76.
5. Тихонов А.Н. Словообразовательное гнездо как единица системы словообразования и как единица сравнительного изучения славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М. : Наука, 1987. С. 104–111.
6. Потебня А.А. К истории звуков русского языка. Этимологические и другие заметки. Варшава, 1883. 96 с.
7. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. М. : Университетская типография, 1895. 132 с.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1977. Т. 4. 404 с.
9. Тихонов А.Н. Гнездовые словари русского языка // Глагол и имя в русской лексикографии: вопросы теории и практики. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. С. 75–88.
10. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.
11. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1985. 399 с.
12. Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф. (сост.) Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. М. : Изд-во ИРЯ РАН, 1998. 54 с.
13. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 1: А–О. М. : Русский язык, 2000. 1209 с.
14. Ивасюк О.В. Словообразовательное гнездо с вершиной-полисемантом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 3 (45): в 3 ч. II. С. 94–96.
15. Тихонов А.Н. Словообразовательные и корневые гнезда слов // Восточнославянское и общее языкознание. М. : Наука, 1978. С. 270–274.
16. Пятаева Н.В. Диахроническое описание лексической системы русского языка через выявление и анализ генетических парадигм // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 297–299.
17. Григорьева Н.С. Развитие корневого гнезда с вершиной *VĚRA в истории русского языка // Вестник СамГУ. 2013. № 8/1 (109). С. 61–66.
18. Бочкарева Г.А. О границах корневых гнезд (на материале префиксальных глаголов со связанными корнями) // Актуальные проблемы русского словообразования : материалы III республ. науч. конф. (21–23 сент. 1978 г.) / отв. ред. А.Н. Тихонов. Ташкент : Укитувчи, 1980. С. 135–142.
19. Ширшов И.А. Границы словообразовательного гнезда // Филологические науки. 1996. № 5. С. 43–54.
20. Современный русский язык: морфемика и словообразование : учеб.-метод. пособие / сост.: Е.Н. Ильина, Ю.Н. Драчева. Вологда : ВоГУ, 2015. 68 с.
21. Пятаева Н.В. Понятие лексического гнезда в современной лингвистике (к проблеме квалификации и классификации) // Филологический класс. 2003. № 9. С. 41–48.
22. Морфемика и словообразование русского языка / под ред. Л.Г. Яцкевич. Вологда : Русь, 2002. 283 с.

23. Варбот Ж.Ж. Этимология // Русская речь. 1968. № 4. С. 86–96.
24. Горбушина И.А. Словообразовательное и этимологическое гнездо слов от праславянского корня *TER- в русском языке на славянском фоне : дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 323 с. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/diss/gorbushina.pdf> (дата обращения: 1.03.2019).
25. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. С. 39.
26. Тихонов А.Н. Лексические и словообразовательные гнезда как единицы сравнительного изучения восточнославянских языков // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М. : Наука, 1994. С. 148–161.
27. Евсева И.В. Современный русский язык. Актуальные вопросы морфемики, морфологии и словообразования : учеб. пособие. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. 204 с.
28. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования. М. : Прометей, 1999. 236 с.
29. Красоткина Е.Ю. Лексико-словообразовательное гнездо с доминантой *часть* в истории русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 17 с.
30. Ачаева М.С. Симметрия и асимметрия лексико-словообразовательных гнезд с вершинами *полный / пустой* в русском и английском языках // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 24–31.
31. Крыжан В.С. Ещё раз о принципах организации лексических дериватов // Вісник Дніпропетровського університету. Сер. Мовознавство. № 11. 2009. Вип. 15, т. 1. С. 138–146.
32. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
33. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 1964. 315 с.
34. Попова А.Р. Реализация словообразовательного и фразеобразовательного потенциала лексической единицы русского языка // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 3. С. 128–133.
35. Лапшина С.С. Особенности словообразовательно-фразеологического комплекса с полисемантом *нога* в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 23 с.
36. Власова Н.А. Фразеологическое гнездо с вершиной *глаз* в общенародном языке и говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1997. 26 с.
37. Кулина Н.И., Шеховцова Т.М. Лингвокультурологический аспект французских фразеологизмов (на материале лексико-фразеологического поля «внутренние органы человека») // Научные ведомости. Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184), вып. 22. С. 84–88.
38. Юрина Е.А. Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: опыт лексикографической презентации // Вопросы лексикографии. 2013. № 1 (3). С. 63–80.
39. Попова А.Р. Лексико-фразеологический комплекс как результат реализации креативного потенциала лексической единицы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орёл, 2013. 43 с.
40. Березович Е.Л., Кривошапова Ю.А. Деривационно-фразеологическое гнездо «Москва» в русском и иностранных языках // Slavica. 2015. № 1 (84). С. 82–94.
41. Чинчлей Т.С. Словообразовательное и деривационное гнездо // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент : Изд-во Ташкент. гос. пед. ин-та им. Низами, 1982. С. 44–46.
42. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. Минск : Вышэйша школа, 1985. 156 с.
43. Языковая номинация. Виды наименований / под ред. Б.А. Серебrenникова, А.А. Уфимцевой. М. : Наука, 1977. 360 с.
44. Бушуй А.М. К изучению деривационных процессов во фразеологии (на материале русского языка) // Проблемы фразеологии : межвузовский сб. науч. трудов. Тула : Изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1980. С. 53–59.
45. Ермакова Е.Н. Деривация как процесс фразеобразования и ее следствия // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2006. Т. 19 (58), № 04. С. 241–245.
46. Никитевич А.В. Деривационное гнездо как объект и модель в теории словообразования и практике лексикографирования // Slavische Wortbildungim Vergleich. Teoretische und pragmatische Aspekte. Bd 12. Berlin : LIT-Verlag Dr. W Hopf, 2014. С. 576–589.
47. Козлова Р.М. Праславянское слово в генетическом гнезде (Структура праславянского слова) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1991. 42 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 сентября 2019 г.

The Metaphorical Term *Gnezdo* and Its Derivatives in Russian

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 75–82.

DOI: 10.17223/15617793/448/9

Tatyana S. Sokolova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatyana_sokol-88@mail.ru

Galina N. Starikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gstarikova@yandex.ru

Keywords: linguistic terminology; metaphorical term; onomasiological derivation; nominal non-structural units; nominative word family.

The article proves that metaphorization is one of the most significant ways of term formation in linguistics. The material for the study was linguistic works in which compound terms were used based on the figurative meaning of the noun *gnezdo* (nest, word family, group, etc.), which, as the analysis showed, is actively involved in the terminology of Russian studies. On the one hand, the term can be called an ontological metaphor that reflects the principle of isolation, organization of a certain commonality of elements based on their typical unity – a common origin. At the same time, its broad meaning and weak specialization give grounds for attributing *gnezdo* to linguistic quasiterms, the semantics of which must necessarily be clarified using attribute vocabulary. The function of the latter is to designate the grounds for associating units into a *gnezdo* and, if possible, to characterize the approach to the study of the latter, cf. *leksicheskoe, slovoobrazovatel'noe, frazeologicheskoe gnezdo* (lexical, derivational, phraseological word family). The polysemy of a significant part of compound terms gives rise to “secondary” special names such as *leksiko-frazeologicheskoe, etimologoslovoobrazovatel'noe gnezdo* (lexical-phraseological, etymological, word-formative word family), which reflect the expansion of the object of study and the complex nature of its description. The constant emergence of such terms (group of texts, figurative, semantic, semantic-derivational group) is caused by the new scientific interests of linguists and the specific objectives of their research. But if the new term does not have a special content, its use is justified only by the need to abandon the ambiguity of the former designation; otherwise, poly-naming reveals a terminological crisis. An expression of the latter can be works in which authors reject this type of terms, using descriptive type definitions in their titles such as “words with the root . . .”, “single-rooted words”, “groups of single-rooted words”, etc. In the authors’ opinion, the most optimal terms of this group should include a derivational and etymological word family: monosemic, indicating simultaneously the bases of an association of linguistic units and the main aspects of their research.

Similar is the terminological combination of the nominative-derived word family introduced in the present work: a set of different structural derived units, going back to a common vertex, allowing for various formal semantic aspects of their description related to naming (formal types of units, reflection of language speakers' nominative-cognitive activities in their content, etc.). In general, the expansion of special sign resources, including through metaphors, develops the terminological system of linguistics as a dynamic provider of the search for a scientific idea.

REFERENCES

1. Nikitina, S.E. (1987) *Semanticheskiy analiz yazyka nauki (na materiale lingvistiki)* [Semantic analysis of the language of science (on the material of linguistics)]. Moscow: Nauka.
2. Selivanova, E.A. (2013) Metaforicheskaya osnova russkoy lingvisticheskoy terminologii: kognitivnyy aspekt [Metaphorical basis of Russian linguistic terminology: cognitive aspect]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*. 11. pp. 71–82.
3. Rezanova, Z.I. (2007) Metafora v lingvisticheskom tekste: tipy funktsionirovaniya [Metaphor in a linguistic text: types of functioning]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology* 1. pp. 18–29.
4. Slyusareva, N.A. (1979) Terminologiya lingvistiki i metazykovaya funktsiya yazyka [Linguistics terminology and metalanguage function of a language]. *Voprosy yazykoznanija*. 4. pp. 69–76.
5. Tikhonov, A.N. (1987) Slovoobrazovatel'noe gnezdo kak edinitsa sistemy slovoobrazovaniya i kak edinitsa sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh yazykov [Derivational nest as a unit of word-formation system and as a unit of comparative study of Slavic languages]. In: Neshchimenko, G.P. (ed.) *Sopostavitel'noe izuchenie slovoobrazovaniya slavyanskikh yazykov* [Comparative Study of Word-Formation of Slavic Languages]. Moscow: Nauka. pp. 104–111.
6. Potebnaya, A.A. (1883) *K istorii zvukov russkogo yazyka. Etimologicheskie i drugie zametki* [On the history of sounds of the Russian language. Etymological and other notes]. Warsaw: Tipografiya M. Zemkevicha i V. Noakovskogo.
7. Pokrovskiy, M.M. (1895) *Semasiologicheskie issledovaniya v oblasti drevnikh yazykov* [Semasiological research in the field of ancient languages]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
8. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1977) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
9. Tikhonov, A.N. (1996) Gnezdovye slovni russkogo yazyka [Nest dictionaries of the Russian language]. In: Komarova, Z.I. (ed.) *Glagol i imya v russkoy leksikografii: voprosy teorii i praktiki* [Verb and name in Russian lexicography: questions of theory and practice]. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 75–88.
10. Akhmanova, O.S. (1969) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
11. Rozental', D.E. & Telenkova, M.A. (1985) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie.
12. Varbot, Zh.Zh. & Zhuravlev, A.F. (eds) (1998) *Kratkiy ponyatiynno-terminologicheskii spravochnik po etimologii i istoricheskoy leksikologii* [A Brief Conceptual and Terminological Guide to Etymology and Historical Lexicology]. Moscow: RLI RAS.
13. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Dictionary of the Russian Language. Defining and derivational]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
14. Ivasyuk, O.V. (2015) Word-formative cluster with the top-polysemant. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 3 (45): II. pp. 94–96. (In Russian).
15. Tikhonov, A.N. (1978) Slovoobrazovatel'nye i kornevye gnezda slov [Derivational and root nests of words]. In: Trubachev, O.N. (ed) *Vostochno-slavyanskoe i obshchee yazykoznanie* [East Slavic and general linguistics]. Moscow: Nauka. pp. 270–274.
16. Pyataeva, N.V. (2011) Diachronic description of lexical system of Russian through revealing and analysis of genetic paradigms. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 13. pp. 297–299. (In Russian).
17. Grigor'eva, N.S. (2013) Development of the root nest with the top *vera in the history of the Russian language. *Vestnik SamGU – Vestnik of Samara University*. 8/1 (109). pp. 61–66. (In Russian).
18. Bochkareva, G.A. (1980) [On the boundaries of root nests (on the material of prefixal verbs with associated roots)]. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya* [Topical Issues of Russian Word Formation]. Proceedings of the III Republican Conference. Tashkent. 21–23 September 1978. Tashkent: Ukhtuvchi. pp. 135–142. (In Russian).
19. Shirshov, I.A. (1996) Granitsy slovoobrazovatel'nogo gnezda [The boundaries of the derivational nest]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*. 5. pp. 43–54.
20. Il'ina, E.N. & Dracheva, Yu.N. (eds) (2015) *Sovremennyy russkiy yazyk: morfemika i slovoobrazovanie* [Modern Russian language: morphemic and word formation]. Vologda: Vologda State University.
21. Pyataeva, N.V. (2003) Ponyatie leksicheskogo gnezda v sovremennoy lingvistike (k probleme kvalifikatsii i klassifikatsii) [The concept of the lexical nest in modern linguistics (to the problem of qualification and classification)]. *Filologicheskii klass – Philological class*. 9. pp. 41–48.
22. Yatskevich, L.G. (ed.) (2002) *Morfemika i slovoobrazovanie russkogo yazyka* [Morphemic and Word Formation of the Russian Language]. Vologda: Rus'.
23. Varbot, Zh.Zh. (1968) Etimologiya [Etymology]. *Russkaya rech'*. 4. pp. 86–96.
24. Gorbushina, I.A. (2016) *Slovoobrazovatel'noe i etimologicheskoe gnezdo slov ot praslavyanskogo kornya *TER- v russkom yazyke na slavyanskom fone* [Word-formation and etymological nests of words from the Proto-Slavic root *TER- in Russian on a Slavic background]. Philology Cand. Diss. Moscow. [Online]. Available from: <http://www.ruslang.ru/doc/diss/gorbushina.pdf>. (Accessed: 1.03.2019).
25. Vinogradov, V.V. (1977) *Izbrannyye trudy: Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works: Lexicology and Lexicography]. Moscow: Nauka.
26. Tikhonov, A.N. (1994) Leksicheskie i slovoobrazovatel'nye gnezda kak edinitsy sravnitel'nogo izucheniya vostochnoslavyanskikh yazykov [Lexical and derivational nests as units of a comparative study of East Slavic languages]. In: Neshchimenko, G. (ed.) *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sopostavitel'nogo izucheniya slavyanskikh yazykov* [Theoretical and methodological problems of a comparative study of Slavic languages]. Moscow: Nauka. pp. 148–161.
27. Evseeva, I.V. (2014) *Sovremennyy russkiy yazyk. Aktual'nye voprosy morfemiki, morfonologii i slovoobrazovaniya* [Modern Russian language. Actual issues of morphemic, morphonology and word formation]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
28. Shirshov, I.A. (1999) *Teoreticheskie problemy gnezdovaniya* [Theoretical problems of nesting]. Moscow: Prometej.
29. Krasotkina, E.Yu. (2013) *Leksiko-slovoobrazovatel'noe gnezdo s dominantoy chast' v istorii russkogo yazyka* [The lexico-derivational nest with a dominant 'part' in the history of the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
30. Achaeva, M.S. (2018) Symmetry and asymmetry of lexical derivational families with the base words empty/full in the Russian and English languages. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 6. pp. 24–31. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.24
31. Kryzhan, V.S. (2009) Eshche raz o printsipakh organizatsii leksicheskikh derivatov [Once again about the principles of the organization of lexical derivatives]. *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu. Seriya Movoznavstvo*. 11:15 (1). pp. 138–146.
32. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniya o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to gain knowledge of the language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

33. Arkhangel'skiy, V.L. (1964) *Ustoychivye frazy v sovremennom russkom yazyke. Osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii* [Fixed Phrases in Modern Russian. Fundamentals of the theory of stable phrases and problems of general phraseology]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
34. Popova, A.R. (2008) Realization of derivational and phrase-creation potential of a lexical item of Russian language. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Scientific Notes of Orel State University. Humanities and Social Science*. 3. pp. 128–133.
35. Lapshina, S.S. (2011) *Osobennosti slovoobrazovatel'no-frazeologicheskogo kompleksa s polisemantom noga v sovremennom russkom yazyke* [Features of a derivational-phraseological complex with a polysemant leg in modern Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
36. Vlasova, N.A. (1997) *Frazeologicheskoe gnezdo s vershinoy glaz v obshchenarodnom yazyke i govorkakh* [Phraseological nest with apex of eyes in the national language and dialects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.
37. Kupina, N.I. (2014) Aspects of French linguistic cultural phraseologisms (on the basis lexicological and phraseological field “internal organs”). *Nauchnye vedomosti. Gumanitarnye nauki – Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*. 13 (184): 22. pp. 84–88. (In Russian).
38. Yurina, E.A. (2013) Russian food tradition in the mirror of language images: experience of lexicographical presentation. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (3). pp. 63–80. (In Russian).
39. Popova, A.R. (2013) *Leksiko-frazeologicheskii kompleks kak rezul'tat realizatsii kreativnogo potentsiala leksicheskoy edinitsy* [The lexico-phraseological complex as a result of the realization of the creative potential of the lexical unit]. Abstract of Philology Dr. Diss. Orel.
40. Berezovich, E.L. & Krivoshchapova, Yu.A. (2015) Derivative-Phraseological Word Family Moscow in Russian and Foreign Languages. *Slavia*. 1 (84). pp. 82–94. (In Russian).
41. Chinchley, T.S. (1982) Slovoobrazovatel'noe i derivatsionnoe gnezdo [Word-forming and derivational nests]. In: Tikhonov, A.N. (ed.) *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya* [Actual problems of Russian word-formation.]. Tashkent: Tashkent State Pedagogical University Named after Nizami. pp. 44–46.
42. Nikitevich, V.M. (1985) *Osnovy nominativnoy derivatsii* [Basics of nominative derivation]. Minsk: Vysheysya shkola.
43. Serebrennikov, B.A. & Ufimtseva, A.A. (eds) (1977) *Yazykovaya nominatsiya. Vidy naimenovaniy* [Language nomination. Types of names]. Moscow: Nauka.
44. Bushuy, A.M. (1980) K izucheniyu derivatsionnykh protsessov vo frazeologii (na materiale russkogo yazyka) [To the study of derivational processes in phraseology (based on the material of the Russian language)]. In: Bondarenko, V.T. (ed.) *Problemy frazeologii* [Problems of phraseology]. Tula: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical Institute. pp. 53–59.
45. Ermakova, E.N. (2006) Derivatsiya kak protsess frazoobrazovaniya i ee sledstviya [Derivation as a process of phrase formation and its consequences]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii*. 19 (58): 04. pp. 241–245.
46. Nikitevich, A.V. (2014) A derivational nest as an object and a model in the theory of word-formation. In: Mengel, S. (ed.) *Slavische Wortbildung im Vergleich. Teoretische und pragmatische Aspekte*. Vol. 12. Berlin: LIT-Verlag Dr. W Hopf. pp. 576–589. (In Russian).
47. Kozlova, R.M. (1991) *Praslavyanskoe slovo v geneticheskom gnezde (Struktura praslavyanskogo slova)* [Proto-Slavic word in the genetic nest (Structure of proto-Slavic word)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Minsk.

Received: 13 September 2019